

БЕСПРИНЦИПНЫЕ ЧТЕНИЯ

Некоторые вещи нужно
делать самому

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН
АЛЕКСАНДР МАЛЕНКОВ АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ
АЛЁНА ДОЛЕЦКАЯ САША ФИЛИПЕНКО

18+

АЛЕКСАНДР БЕССОНОВ, НАТАЛЬЯ БЕРЯЗЕВА,
АЛЕКСАНДР ГУТИН, ЖУКА ЖУКОВА, КСЕНИЯ ЛЕБЕДЕВА,
МАРИНА МИЩЕНКО, ТАТЬЯНА ПАНОВА, АДИЛЬ ЮЛДАШЕВ

**Наталья Берязева
Адилъ Юлдашев
Александр Евгеньевич Цыпкин
Алёна Долецкая
Александр Маленков
Татьяна Панова
Жука Жукова
Александр Бессонов
Ксения Лебедева
Марина Мищенко
Александр Гутин
Саша А. Филипенко
Александр Снегирёв
Беспринципные чтения.
Некоторые вещи
нужно делать самому
Серия «Одобрено Рунетом»**

Аннотация

«Беспринципные чтения» возвращаются! Лучшее от самого яркого и необычного литературно-театрального проекта последнего времени. Рассказы знаменитых авторов: Алёны Долецкой, Жуки Жуковой, Александра Маленкова, Александра Снегирёва, Саши Филиппенко, Александра Цыпкина и не только. Самые смешные и трогательные истории со всей страны, которые были прочитаны со сцены авторами и ведущими российскими актёрами: Ингеборгой Дапкунайте, Анной Михалковой, Константином Хабенским и другими. Эти тексты собирали залы от Нью-Йорка до Воронежа. Но читать текст и слушать – разные вещи. Наконец-то их можно прочитать!

Содержание

Александр Цыпкин	6
Трагическое недоразумение	6
Бесценный подарок	22
Мечта	26
Чаты	30
Александр Гутин	43
Труба	43
Машенька	49
Жука Жукова	56
Нейронная сеть	56
Охотник	58
Бонжур, гламур	60
Мотивация	65
Весна	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Коллектив авторов
Беспринципные чтения.
Некоторые вещи
нужно делать самому

© Беспринципные чтения, текст, 2020

© А. Ксенз, иллюстрации, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Александр Цыпкин

Трагическое недоразумение

Самое удивительное, что история эта основана на абсолютно реальных событиях, разве что немного изменены обстоятельства, имена и кое-какие детали. В нашей стране жить так отчаянно прекрасно, потому что ты можешь выйти на улицу, открыть глаза и лицезреть непрекращающуюся комедию абсурда. Остается верить, что она не закончится драмой. Но я отвлекся.

В городе Каратовске неожиданно наступила весна. Наступила она, как почти во всей стране, непосредственно в собачье дерьмо. Аналогичный казус случился с Виталием Дмитриевичем Кочергой, помощником мэра вышеуказанного населенного пункта. В таком событии нет ничего неприятного или опасного, если только ты не чиновник, опаздывающий на совещание к руководителю. И надо же такому приключиться, что ботинок господина Кочерги вляпался в позорную субстанцию именно за двадцать минут до начала са크рального для любого госслужащего события. Не буду посвящать вас в технические детали борьбы Виталия Дмитриевича с результатами собачьей жизнедеятельности, отмечу

лишь, что эту битву он проиграл, поэтому зашел в кабинет начальника в носках. Мужчина в носках – образ в целом комичный, а уж если речь идет о чиновнике, то тем более. Вишенкой на этом торте служила (да-да, вы не поверите!) дырка в носке.

Мэр города, Тимофей Ильич Маразов, оглядел Кочергу с головы до ног и ожидаемо уставился на отверстие в ткани, из которого смущенно выглядывала бледная плоть его помощника по связям с общественностью.

– Кочерга, здравствуй, рад, что почтил своим присутствием. Не буду врать, мы заждались. А скажи, вышел какой-то новый указ?

– Какой указ? – смущенно перетаптывался Кочерга.

– Являться на совещание к мэру города без ботинок и в носках с дырками. – Тимофей Ильич пояснил свой вопрос и, не дожидаясь реакции подчиненного, высказал иное предположение. – Или это одиночный пикет? А может, этот... как его?.. Перформанс, да? Дочь меня новому слову научила. Ну чего ты молчишь?

– Тимофей Ильич, наш дорогой Кочерга как бы намекает на свое бедственное положение и требует повышения оклада, – прогундосил заместитель мэра Матвей Петрович Арбузов, отвечавший в этом коллективе, помимо всего прочего, за юмор и другие массовые затеи.

Тимофей Ильич, отметим, тоже за словом по карманам не шарил: «А может, он дает горожанам понять, что беден и не

коррупцирован, то есть работает на наш общий имидж, как и должен поступать помощник по связям с обществом». (Слово «общественность» потомственному чиновнику не нравилось, и он всегда заменял его на более понятное.)

– Произошло трагическое недоразумение. – Кочерга замялся, думая, с чего начать, и эту паузу немедленно заполнил Тимофей Ильич.

– Трагическое недоразумение, Кочерга, это то, что твои родители потрахались. А все остальное – следствие этого недоразумения. Ты долго будешь своим пальцем светить? Садись уже! Рассказывай, мы все внимание. Хоть что-то интересное в понедельник.

Получив трибуну, Кочерга начал доклад:

– Спасибо. Извините. Так вот. Перед самым входом в мэрию я наступил в собачье дерьмо...

– Это ничего, я вот, помнится, вступил в дерьмо, вот это была проблема, – не смог удержаться Арбузов.

– Матвей Петрович! – рявкнул мэр. – Кочерга, продолжай.

– Ага, спасибо. Так вот, наступил, надо сказать, так масштабно, с душой. А у меня рифленая подошва, так что полноценно отмыть не удалось, там попотеть придется. Поэтому я мог либо войти в ботинках, но, сами понимаете, – запах, либо вообще пропустить совещание, либо вот – босиком войти. А дырку на носке я не заметил... Мне жена привезет ботинки к концу совещания.

– А носки? Мы теперь волнуемся. Ты, Кочерга, можешь

простудиться, тебе надует в палец. – Арбузов понял, что сегодня его день.

– Прекратить КВН! Мы всё поняли, Кочерга, спасибо тебе за заботу об атмосфере. Ладно. Давайте к делу. Мы тебя, наш босоногий друг, не просто так позвали на совещание. Назрела необходимость какой-нибудь социальной инициативы. А то мы давно ничего полезного для города родного не делали, – перешел на отеческий тон Тимофей Ильич, которого немедленно перебил не унимающийся Арбузов.

– Судя по резко растущему индексу доверия, мы и правда давно ничего не делали, предлагаю не начинать.

– Арбузов, ты сейчас у меня дошутишься. Кочерга, есть идеи? Что-нибудь простое, легкое в исполнении и всем нужное. Расстрелять Арбузова не предлагать.

Матвей Петрович не ожидал удара и пропустил. Чем ответить, он не нашелся.

– Я, Тимофей Ильич, всегда с вниманием отношусь к знакам, – таинственно начал Кочерга.

– Дорожного движения?

Кочерга как будто бы забыл про дырку в носке и преобразился в Цицерона.

– Нет, я скорее про приметы и так далее. Мне вот кажется, если я по дороге на совещание наступил в собачье дерьмо, не знак ли это провести субботник и убрать это самое дерьмо с улиц, ну или хотя бы из какого-нибудь парка. Все это заметят, а парки после зимы и правда в ужасном состоянии.

К тому же это определенный жест в сторону ностальгирующих по СССР.

– Что делающих по СССР? Кочерга, ты за словами последи! – нахмурился мэр, боровшийся с различным непотребством, особенно в русском языке.

Цицерон осекся и начал оправдываться.

– Ностальгирующих. Ну, то есть тоскующих по прошлому.

Мэр вслушался и успокоился. Почудилось.

– Какой ты сложный, Кочерга! Можешь попроще выражаться? Но мысль неплохая. Свежий воздух, все могут принять участие, даже я. Непонятно только, кто собачье дерьмо убирать будет. Кого назначить?

– Можно вместо выговора, – неожиданно дал о себе знать зам по кадрам Хорьков.

Реакция начальника надолго отбила у других участников собрания проявлять хоть какую-то инициативу, а знатоку истории Арбузову напомнила судьбу изобретателя Медного быка.

– А что, толковое предложение. Вот я тебе, Хорьков, первому выговор и объявляю. И ты знаешь, за что! Это придурок Зачайкин – твоя креатура. Ладно, это потом. Короче, с дерьмом вопрос решили. Хорьков и его команда – ответственные. Мне идея с субботником нравится. Не расстрел Арбузова, конечно, но, думаю, город оценит. Да, Матвей Петрович? Что скажешь за субботник?

– Мне нельзя, – буркнул недорасстрелянный Арбузов.

– Это почему это?

– Шаббат. Бог запретил мне работать в субботу.

Тимофей Ильич даже крикнул от креативности своего заместителя.

– Арбузов! Ты же русский!

– Да, но бывший муж моей жены еврей, и дома установилась традиция. Не хочу ее нарушать. Шучу я! Что вы все глаза раскатали. Да за субботник я, конечно! Хорошая мысль. И бюджет на метлы и т. д. вроде есть. Что убирать будем? Кочерга, что ты там про парк рассказывал?

– Я предлагаю убрать наш главный парк «Березки». Я в нем был на выходных. Постыдное зрелище.

– Много работы Хорькову? – ехидно уточнил Арбузов.

– В каком смысле? – Кочерга напрягся в поисках логики вопроса.

– Ну что там с собачьим дерьмом?

– А, вы про это. В «Березках» с дерьмом совсем плохо.

– В смысле – оно есть или его нет? – уточнил мэр, анализируя диалектичность фразы «с дерьмом все плохо».

– Есть. Предостаточно. Но и помимо него очень много мусора.

– Вот и решили. Значит, так. Убираем парк «Березки». На субботник идут все семьями. Первым составом. Никаких любовниц. Только жены. Дети с семи лет тоже обязаны быть. Собрать прессу. Все подговорить так, чтоб аж в Москве про

«Березки» слышали! Кочерга свободен. Переходим к строительным вопросам.

– А можно я еще тут у вас посижу? Жена только через 20 минут будет, не хотелось бы босиком по мэрии ходить.

– Сиди, горемыка.

Подготовка к субботнику прошла успешно. Наступила пятница. Тимофей Ильич тратил утро на созерцание новой мебели, поставленной в его уютный спецкабинет для личных встреч. Хорьков проводил со своими подчиненными разъяснительную работу и угрожал уголовным преследованием за неявку. Арбузов ругался с любовницей из-за сорванного субботнего randevu. И только Кочерга хотел принять яд. Любой. Он никак не мог решиться сообщить Тимофею Ильичу неприятнейшее известие. Но наконец собрался. Секретарша его впустила.

– Кочерга, ты чего такой бледный? Надо тебе чаще гулять. Ну завтра вот проветришься. Рассказывай, как там наш субботник? Пресса будет? Парк нас ждет? – Маразов кормил живущую в кабинете игуану, которую ему подарили московские коллеги.

– Тимофей Ильич, произошло трагическое недоразумение, – проблеял помощник мэра по связям с обществом.

Мэр отвлекся от ящерицы и уставился на ботинки Кочерги. Вероятно, автоматически реагируя на знакомое словосочетание. Затем опомнился и моментально ощерился.

– Какое, блять, недоразумение трагическое?! Что с пар-

ком?

Кочерга покрылся испариной и испытал то самое уникальное чувство, знакомое российским чиновникам, ожидающим разноса от начальства. Чувство неизбежного индивидуального конца света, от которого не спасет даже смерть.

– Его убрали.

Тимофей Ильич взял паузу. Рассмотрел Кочергу внимательно, как бы пытаясь понять, не подменили ли его, а потом резанул:

– Куда убрали?! Ты что несешь, кретин?!

Испепеленный Кочерга отреагировал стремительно.

– Убрали – в смысле вычистили. Вчера сотрудники Регинхимсервиса вышли всем коллективом и убрали парк. Он совершенно чистый. Нам там нечего завтра делать.

Надо отдать должное Тимофею Ильичу, в панику он впал редко, но и так же редко недооценивал угрозу его чиновничьему существованию.

– Откуда ты знаешь? Почему в новостях не было?

– Они не приглашали прессу. Я случайно в инстаграме увидел, ну и заехал с утра. Проверил.

– И как?

– Как в операционной.

– Арбузова ко мне, – крикнул в трубку своей секретарше настроившийся на ярость Тимофей Ильич.

– Что скажешь, Матвей Петрович. Диверсия? Думаешь, Исаулов специально наш парк убрал? Мстит?

Весельчак Арбузов почему-то беспокойства шефа не разделял.

– Вряд ли. Думаю, просто совпадение. А что вы так волнуетесь, ну уберем другой парк.

– Арбузов, знаешь, за что я тебя люблю?

– За что? – Матвей Петрович стучал по аквариуму и пытался привлечь внимание игуаны.

– За то, что идиот полный. На твоём фоне я реально Ломоносов. Мы уже всех в «Березки» пригласили! Всех! Хочешь сейчас перенести и всему городу показать, что мэр вообще не в курсе, что где происходит?!

– Не подумал. Виноват, – раскаялся Арбузов, и с фантастической скоростью, опять же свойственной российским чиновникам, попавшим в безвыходное положение, придумал дичайший по своей абсурдности план Б.

– Тогда давайте срочно засрем парк обратно. Есть сутки. Делов-то. Еще и Регионхимсервису пистон вставим. Мол, даже парк убрать нормально не могут. Сплошной подлог.

– Мне иногда кажется, Арбузов, что тебя уронили в детстве. Ты как это предлагаешь сделать?! Выставку собак там за сутки провести или рок-концерт?! Как ты его засрешь за сутки?!

– Наймем агентство. Пусть разбираются.

– Да ты просто Эйнштейн, Арбузов! Может, тебе в президенты пойти? – Тимофей Ильич оперся на стол для устойчивости. – А ты не подумал, как мы этот замечательный за-

каз агентству объясним?! Что их сотрудники подумают? Я прямо-таки представил, как тебя арестовывают за то, что ты заказал агентству засрать парк за народные деньги.

Матвей Петрович, необходимо заметить, был предельно спокоен и даже в чем-то снисходителен.

– Ну зачем же за народные? Есть у нас должники. А агентству прилетит заказ как бы от ваших недоброжелателей. От москвичей. Люди в агентстве будут думать, что засирают парк на московские деньги, специально чтобы подставить вас во время субботника. Даже если вскрыется – мы ни при чем. У меня человек надежный, хозяин агентства, а ему я объясню, что идет борьба с Регионхимсервисом и они нам устроили диверсию. Попрошу молчать. Завтра придем в абсолютнейшую помойку.

Тимофей Ильич сел в кресло и улыбнулся.

– Арбузов, ты, только когда жопа в огне, соображать начинаешь? Ведь толково придумано! Кочерга, учись! Значит, так, об операции никому. Кочерга, реализация на тебе. Матвей Петрович стратегию определил. Ты уже отработай детали. И это. Кочерга. Проследи, чтобы засрали на полшишечки, чтобы выглядело, будто Регионхимсервис хреново убрал. Понятно? Все собираемся у мэрии завтра в девять. Тут до парка пять-десять минут идти.

– Конечно, Тимофей Ильич.

Прикормленное агентство принялось выполнять оригинальный заказ с особым рвением. Бюджет в этом году сво-

дился с трудом, и неожиданный приход вернул многим надежду на летний отпуск. Креативный директор переживал, что не сможет подать проект на «Каннские львы». Идея вывезти ночью в парк собак из приюта, предварительно устроив им небольшую медикаментозную стимуляцию, была признана коллегами исключительно продуктивной. Не говоря уже о плане-перехвате машин с мусором. Кочерга даже не поехал в парк, так как уже по видео было понятно, что агентство с задачей справилось.

Ранним субботним утром от мэрии к парку двинулась странная колонна. Мужчины в камуфляже и с лопатами, женщины на шпильках, при полном параде и с метлами (казалось, они вернулись с ночного шабаша) и, наконец, ряд граждан почему-то с вилами. Четких инструкций по инструментарию не написали, и каждый взял, что посчитал нужным. Все вместе это напоминало сумбурный Хеллоуин или начало погрома времен Гражданской войны. В глубине парка находилась бывшая усадьба купца Парамонова, разграбленная в 1919 году, что добавляло символизма. Тимофей Ильич нацепил зачем-то бело-красную форму олимпийской сборной России, а вот Хорьков в своих болотных сапогах и перчатках по плечи напоминал палача. Кочерга, захвативший грабли для себя и Арбузова, семенил рядом с начальством в какой-то несуразной длиннополой куртке, которую ему выдал тесть. Вокруг Кочерги кучковались журналисты с камерами и блогеры с телефонами. Они убирать, разумеется, ни-

чего не собирались, поэтому оделись достаточно празднично. Войдя в парк через главные ворота, колонна остановилась на небольшой площадке, с которой расходились аллеи в разные стороны.

Тимофей Ильич смотрел на зеленые насаждения, как Наполеон на Ватерлоо. Интересный перед ним и всеми остальными участниками акции открылся пейзаж.

Кочерга начал медленно, по молекулам, превращаться в камень.

Парк «Березки» был девственно-чист. Ни пылинки. Казалось, даже муравьи в нем ходят в бахилах. Арбузов цвета пахучего парного молока кому-то позвонил, позеленел и что-то сказал Кочерге на ухо. Глаза Кочерги мгновенно начали смотреть в разные стороны, язык выпал, все конечности задвигались хаотично. В таком виде он подошел к Тимофею Ильичу.

– Тимофей Ильич, произошло трагическое недоразумение... Агентство перепутало парки. Они отработали парк «Дубки», – голосом, похожим на вой канализационной трубы зимой, зачитал свой и арбузовский смертный приговор Кочерга.

Он ожидал, что земля разверзнется под ним прямо сейчас: точнее, Тимофей Ильич ее раздвинет руками и затолкает туда своего помощника. Но...

В жизни каждого российского чиновника рано или поздно наступает момент истины, когда высшая сила проверяет,

не зря ли она вселила эту душу в тело, выбравшее такой извилистый жизненный путь, как служение народу. Прохождение теста ведет тело к высотам государственной карьеры и обнуляет карму. Провал – ну сами понимаете.

Тимофей Ильич посмотрел на небо, поблагодарил за оказанное доверие и шепнул Кочерге: «Журналистам скажи, чтобы камеры включили».

Кочерга, разумеется, решил, что его будут четвертовать в прямом эфире, представил, как дочка сейчас увидит смерть папы, и чуть не пустил слезу.

Как только все камеры направили объективы на Тимофея Ильича, он сделал шаг вперед и начал свою тронную речь:

– Дорогие мои, как вы думаете, для чего я вас всех сюда привел? Молчите? Недоумеваете? Ожидаемо. Посмотрите на этот парк. Посмотрите, в каком он прекрасном состоянии! Вот так. Вот так нужно нам всем работать! Мы все должны взять пример с компании «Регионхимсервис», сотрудники которой в четверг убрали жемчужину нашего города, наш родной парк «Березки». Мы часто говорим, что российская экономика неповоротлива, неэффективна, что мало инициативных предпринимателей, но это не так. Вот вы скажете, убрать парк – не такое уж и дело. Ошибаетесь. Это наш дом. Наша земля. И посмотрите, в какой изумительной она теперь чистоте. И именно здесь я хотел бы лично от лица всей мэрии и всех горожан поблагодарить каждого сотрудника компании «Регионхимсервис» за труд, а ее руководителю

Степану Сергеевичу Исаулову предложить пост своего заместителя, освободившийся после отставки Матвея Петровича Арбузова, который утром сообщил мне, что хочет больше времени проводить с семьей. Ну а мы с вами сейчас попробуем доказать, что городские власти умеют работать не хуже городских компаний. Сейчас мы все вместе пойдем в парк «Дубки» и уберем его. Наша задача – чтобы к концу субботника парк «Дубки» был таким же чистым, как парк «Березки». По дороге, а путь у нас неблизкий, но родной, мы, сотрудники мэрии города Каратовска, подметем улицы, по которым будем идти. Дорогие мои каратовчане, сегодня ваш законный выходной, сегодня мы поработаем за вас, но, если есть желание, присоединяйтесь к нашему крестовому походу против мусора! Погода прекрасная, и мы обещаем вам всем прекрасное настроение!

Горожане поддержали своего мэра, массово вышли на улицу, домаршировали до «Дубков». Парк, как вы понимаете, представлял из себя мусорный полигон. Один из смелых горожан, стоявших рядом с мэром, чья куртка была уже черной, мрачно отметил: «Кто же его так засрал-то?» Мэр услышал и ответил еще одной короткой речью:

– Друзья, вот тут один мужчина справедливо высказался насчет того, как же мы довели парк до такого состояния. Разделяю его горечь. И ведь это не инопланетяне сюда мусор завезли, не москвичи – это мы с вами так его запустили. Моя вина – недоглядел. Но теперь сам и исправлю. С вашей по-

мощью, конечно. За работу!

Видео с мэром города, убирающим сами понимаете что, облетело всю страну. Крестовый поход против мусора заметили в Москве, оценили продуманность всех действий и наградили Тимофея Ильича «звонком спокойствия», как называют в правительственных кругах сообщение о дальнейшем доверии к чиновнику со стороны руководителя. Где-то через месяц после памятного субботника Тимофей Ильич поехал в Москву в составе областной делегации. Вечером чиновники расслабились, выпили как следует, разбились по кучкам и начали социализироваться. В какой-то момент Тимофей Ильич неожиданно оказался один на один с крупным столичным аппаратчиком.

– Слышал про твой мусорный поход, Маразов. Молодец. Вроде бы на поверхности, а так выстрелило!

И тут какой-то голос в пьяной голове Тимофея Ильича начал повторять одно и то же слово: «Покайся».

– Александр Владимирович, повинную голову же меч не сечет?

– Смотря какую голову и смотря какой меч. А что случилось?

Тимофей Ильич покался.

Александр Владимирович, дослушав все до конца, махнул залпом боржоми (он сидел на диете) и сурово сказал:

– Ну всё, Маразов, ты больше не мэр города.

Тимофей Ильич махнул водки. Ему стало больно, но лег-

ко. Все-таки чистая совесть. А его слушатель продолжил:

– Неделю на сборы – и ко мне. Ты же из любой жопы выход найдешь. У нас такие гении, как ты, на вес золота.

Бесценный подарок

«Иногда приходит письмо с сайта, и ты по первым строчкам понимаешь, что не случайно. Вроде бы и нет ничего, кроме фразы „Александр, хотел вам кое-что рассказать, в связи с одним из Ваших постов последних“, но в предложениях какая-то вибрация.

Вот очередной имейл от человека, попросившего имя его не называть, а с историей поступить по моему усмотрению.

У него был друг. С института. Как это часто бывает, с годами встречались все реже, но тем не менее пересекались регулярно. Он резко взлетел.

А нам всегда сложно видеться как с теми, кто рванул наверх, так и с теми, кто рухнул в обратном направлении. Тяжело найти общие темы, если один выбирает самолет настоящий, а другой – игрушечный ребенку, но и тот купить сможет только после зарплаты. Обоим стыдно отчего-то смотреть в глаза. Богатый чаще всего хочет либо поскорее встречу закончить, либо начинает искать, как помочь, иногда даже что-то получается, и друг детства превращается понемногу в должника. Отдавать, как понятно, особо нечем. Крепкая дружба становится песчаной и рассыпается.

Так, в итоге к определенному возрасту люди рассредоточиваются по компаниям схожего достатка и социального статуса. Исключительно разбогатевшие и исключительно обед-

невшие ожидаемо становятся одинокими. Нет, ну понятно, что деньги притянут приятелей, да и среди новых знакомых могут попасться очень достойные люди, или иногда бизнес вместе с юности ведут, но это все редкость скорее.

Написавший мне письмо как раз попал в группу умеренно успешных и поэтому жил счастливо, окруженный компанией друзей ранней молодости. А его однокурсник Федя, как принято сейчас говорить, выпрыгнул в космос. Высокомерным не стал, но на встречах курса появлялся нечасто, особенно после какой-то пьяной разборки, когда один из участников собрания „старых добрых друзей“ обвинил Федю в разграблении страны и прочих стандартных грехах. Даже потасовка завязалась. Бизнесмен ушел с солидным бланшем под глазом.

Всем потом стыдно было, так как Федя был самым обычным предпринимателем, на трубе не сидел. Понятно, что чист перед законом не был, но перед совестью обычной человеческой, говорят, долгов неоплатных не имел. Ну, разве что слыл излишне бережливым. На всякие праздники обычно дарил что-то из того, чем торговал. То все на день рождения микроволновки получают, то часы, то скидку мощную на туры куда-нибудь. Все смеялись, что ждут, когда Федя купит кладбище и будет у всех закрыт достаточно дорогостоящий вопрос. Цитировали классический анекдот: „Место на кладбище нашел, но похороны завтра“. После памятной драки встречаться друзья стали еще реже, но Федя не пропадал,

звонил, иногда звал в гости за город. С детьми все, конечно, приезжали. Водные мотоциклы, футбол, шашлык, да и потом дача питерская у Феди была, скажем так, демократична. Не вызывала приступов комплекса неполноценности. Правда, Федя все больше проводил времени в Москве, семью туда перевез, так что дружба становилась празднично-сетевой. Однако про дни рождения новоявленный москвич не забыл, более того, оставался верен себе и даже практически оправдал кладбищенские ожидания.

В один год друзья по очереди получили на дни рождения сертификаты на посещение модной в городе клиники. Как раз стали появляться программы популярного нынче чекапа. Шутки по этому поводу зашкаливали. Все разумно отметили Федину исключительную расчётливость. Приходишь к нему в клинику проверяться: там, конечно, в тебе находят Большую медицинскую энциклопедию, и начинаешь бесконечно инвестировать в бизнес друга юности. В благодарственных смс и звонках умоляли Федю вернуться в торговлю бытовой техникой, он даже обиделся на кого-то, ответил, что наконец что-то толковое подарил. Трое друзей, включая автора письма, стали думать, чем Феде ответить. Собрали небольшую сумму и купили Феде подарочный сертификат на десять посещений дорогой московской парикмахерской. Именинник был лысый практически с института. Вручить вызвался автор письма. Накануне даты звонит имениннику, трубку взяла жена.

Оказалось, Федя умер месяц назад. От рака. Болел год почти, боролся, но... никому, кроме семейных, не сказал. Уехал в Германию, там и ушел, как собаки от хозяев в лес сбегают умирать, чтобы не мучить их: наверное, понимают, что сердца рвутся. Просил и на похороны никого специально не звать, а просто при случае всем сообщить. Также жена сказала, что он просил передать троице студенческой, пусть они считают его последней просьбой использовать те сертификаты, если еще не нашли времени.

У него не было никакой своей клиники, просто Федин рак практически пропустили. Не факт, что вытащили бы, но шансов было бы больше. Вот он и стал близким дарить на дни рождения один и тот же подарок. Хотел кого-то спасти. Придя в себя, друзья, все как один, пошли по врачам. У одного и правда нашли полип нехороший в нехорошем месте. Успели. После таких событий они стали либо уговаривать своих знакомых самих провериться, либо тоже дарить походы на анализы. Никто уже не смеялся над таким презентом. Круги по воде начали расходиться.

Прошло уже восемь лет. С тех пор известно о минимум шестерых, которых благодаря Фединому толчку вытащили, считай, с того света. А эти трое в каждый его день рождения приезжают к нему на могилу. Всегда. Без прогулов. Там на кладбище все демократично. Старые друзья вспоминают молодость и все равны».

Мечта

Однажды мой товарищ Кирилл влип. Мы были знакомы по даче, в городе общались реже, поэтому, встречаясь летом, начинали беседу с сочинения: «Как я провел зиму».

Последнюю школьную зиму мы провели тяжело. Все готовились к поступлению, пытаюсь втиснуть между тусовками репетиторов и подготовительные курсы. Некоторые еще и любовь пробовали запихать в это расписание. Ну как любовь?.. Похотливые пробы пера.

Кирилл обгонял нас всех в развитии и еще в прошлое лето рассказывал о прелестях легкой эротики. От зависти мы, как могли, пытались исключить его из наших рядов, так как слушать о живой женской груди было невыносимо, на рыбалке особенно. Ну представьте. У тебя клюет. Ты мечтаешь о леще. А тут: «А вот если еще и попросить ее...» Теряешь и сознание, и леща. Обидно вдвойне. А самому сказать нечего. За одиннадцатый класс у меня кое-как наскреблось, чем ответить, и я ждал каникул, чтобы, наконец, умножив всё, что было, на три, заткнуть ненавистного соседа.

Кирилл прибыл мрачный. Мы сели в лодку, достали сигареты «ВТ», я блеснул зиппой, утопленной моими кривыми руками уже через день, и поделился опытом сатанинского петтинга.

— Ну, а ты как?

– Да пиздец, на прошлой неделе родители запалили меня дома. Такая разборка была, как будто я трахался с нашим попугаем. Мать орала, что я животное и что она не потерпит шлюх в своем доме. Отец хоть молчал, и то хорошо.

После слова «трахался» я сразу понял, что могу свои невинные истории свернуть в трубочку и скурить, поэтому вновь превратился в слушателя.

– А с кем запалили-то и как?

– Да с химичкой нашей.

Мне захотелось немедленно утопиться. Именно утопиться. Потому что убийство Кирилла ситуацию бы не спасло. Он бы и из-под воды смотрел на меня с презрением и снисхождением.

Оставалась последняя надежда на то, что она старая и, соответственно, страшная. У нас была в школе учительница английского. Мы обожали дискутировать на тему, неужели и в таком возрасте она кому-то нужна. Старухе было 36. Сейчас, смотря на фотографии, могу ответственно заявить: «Я бы – да».

Наскоблив внутри равнодушия, я спросил:

– Сколько лет?

– На грани. Двадцать пять.

«Сука, блять, сука, сука и сволочь!!!» – Это были мысли.

– Если симпатичная, то можно. – Это были слова.

– Симпатичная!

– А случилось-то что? – Я начал мысленно изготавливать

куклу вуду.

– Родаки уехали в Ригу и с какого-то хрена вернулись раньше. В самый разгар, прикинь, заявили. А мы так шумели, что на лестнице слышно было. У нас же дверь, считай, картонная. Так что говорить, что химию учили, было без понту. Знаешь, мама так ее обзывала... Я не думал, что она слова такие знает... Сказала, что всю жизнь ей сломает, по судам затаскает. Я за химичку волнуюсь теперь. Ну, в чем она виновата...

– И что теперь будет???

– Я пытаюсь маму уговорить, что сам виноват, что инициатива моя, что химичка ни при чем, но чего-то пока бесполезно.

– Может, отцу с ней поговорить?

– Он сказал, что я для мамы самое дорогое и ей нужно время, чтобы понять, что я вырос и в моей жизни могут быть другие женщины, и чтобы я не принимал близко к сердцу такую ее реакцию. Я задумался. А ведь правда, я же у нее один, и какая-то другая женщина в тот момент для меня важнее, чем мама. Я просто не думал об этом. Наверное, папа прав. Так что, пока мама не привыкнет к тому, что я взрослый, не буду ей особо ничего рассказывать. Папа, конечно, офигенный – так быстро мне все разложил. Тоже переживает за нее.

Я согласился с мудрым мужиком. Ведь действительно, это же практически ментальный слом для матери. Мальчик больше не только твой. Вспомнил о своей маме. Распережи-

вался... Как все-таки здорово, когда отец тонко чувствует отношения матери и сына. И правда, папа у Кирилла крутой.

Через неделю Кирилл, стоя у картонной двери, услышал, как мама кричит его отцу:

– Не принимать близко к сердцу?! Успокоиться?! Эта шлюха сначала тебя трахала, а теперь Кирюшеньку!

Это был последний гвоздь в мои новые комплексы неполноценности. Я запил.

Р. S. В какой-то из летних вечеров Кира, глотнув газированного разбавленного спирта, сообщил, что наконец понял, почему химичка после первого раза сказала, посмотрев на их фотографию с отцом, что он исполнил ее заветное желание. Мы еще отхлебнули адского пойла из дачных чашек с отбитыми ручками и согласились, что женщина тоже имеет право на мечту.

Чаты

ЧАТ НОМЕР ОДИН

Олег: Привет, Лиза!

Лиза: Привет. Лаконично. Ты что, бот?

Олег: Кто? Что значит бот?

Лиза: Понятно. Пройдешь тест Тьюринга?

Олег: Кого?

Лиза: Понятно, Олег, не бери в голову.

Олег: Хорошо, не буду. Как дела?

Лиза: Я буддистка, поэтому мои дела никак.

Олег: Ого, а почему никак?

Лиза: Понятно. Не бери в голову.

Олег: Что делаешь?

Лиза: Решаю, кто виноват?

Олег: В чем?

Лиза: Понятно. А ты, смотрю, начитанный.

Олег: А ты палец в рот не клади...

Лиза: Еще один такой фразеологизм – и твои шансы хоть что-то положить в мой рот уменьшатся до нуля.

Пауза.

Лиза: Куда пропал-то, Олег?

Олег: Шансы повышаю.

Лиза: Как планируешь это делать?

Олег: Молчанием, а то ты слишком высокоинтеллектуаль-

ная для меня. И да, твои примитивные проверки на образованность я намеренно не проходил, чтобы понять масштаб высокомерия. Более того, хочу расстроить насчет «дела никак»: это довольно поверхностное представление о буддизме, и рискну предположить, твои познания о буддизме заканчиваются на прочтении Сиддхартхи.

Лиза: Сука.

Олег: Не бери в голову.

Лиза: СУКА. Откуда ты такой умный выискался. По лицу так не скажешь.

Олег: Да, мне уж говорили, были бы живы родители – предъявил бы.

Лиза: Ты же молодой? Или наврал про возраст?

Олег: Нет, все честно, сорок шесть, но я поздний.

Лиза: Давно они умерли.

Олег: Папа давно, мама полгода назад.

Лиза: Извини.

Олег: Ничего страшного. Это жизнь.

Лиза: Это да, а шутить на эти темы можно?

Олег: Шути.

Лиза: Ты в анкете написал, что первый раз зарегистрировался на сайте знакомств.

Олег: Да.

Лиза: Раньше мама не разрешала? Теперь на свободу вырвался.

Пауза.

Обиделся?

Олег: Нет, никак не могу закончить смеяться – такая шутка гениальная.

Лиза: Сука.

Олег: Твой словарный запас ругательств весьма ограничен. Мама не разрешает.

Лиза: А может, у меня тоже ее нет.

Олег: Есть.

Лиза: Откуда ты знаешь?

Олег: И папа есть, и вообще у тебя, думаю, хорошая семья – вот только тебе в ней как-то не очень по-родному, что ли.

Лиза: Ты что, телепат?

Олег: Нет, просто предположил. Шутишь много.

Лиза: Может, так. Мне пора. Завтра спишемся.

ЧАТ НОМЕР ДВА

Олег: Лиза, дела все еще никак?

Лиза: На работе.

Олег: Можешь переписываться?

Лиза: Я же на работе, – конечно, могу.

Олег: У ивентщиков обычно на работе ад. Кстати, а почему ты такая красивая и, я бы даже сказал, умная?

Лиза: Сука.

Олег: Я в курсе. Так вот почему ты торчишь на этом сайте и болтаешь с таким, как я?

Лиза: Из милосердия. Это моя корпоративная социальная

ответственность. Иначе кто с тобой болтать будет. Ну а ты, «бизнесмен, был женат, есть сын, квартира и дом в Европе». Ты здесь что делаешь? Или наврал, может, все про себя?

Олег: Нет, не наврал, все так. Дома даже два.

Лиза: Сука.

Олег: Не волнуйся, один только в Европе, второй – в Псковской области.

Лиза: Никому больше не говори это, а то с тобой перестанут девушки общаться.

Олег: А что, Псков проклят?

Лиза: Типа того. Так что ты тут забыл?

Олег: Ну, если честно...

Лиза: Оспади... ну, давай честно, если по-другому не умеешь.

Олег: Серьезное что-то ищу.

Лиза: В смысле женщину, которая трахается с серьезным лицом?

Олег: Ага, причем желательно в Псковской области. Нет, просто хочу самых обычных, нормальных отношений.

Лиза: Какая тоска.

Олег: А ты не хочешь?

Лиза: Хочу! Еще как хочу! Секс с серьезным лицом в Псковской области! Это мечта. Нашла – я так понимаю!

Олег: Не шутить не можешь?

Лиза: Могу.

Олег: Так что насчет серьезных отношений? Я не про себя.

Я просто спросил.

Лиза: Люди всегда спрашивают про себя. Отношения? Они все равно закончатся. Зачем начинать?

Олег: Жизнь тоже закончится. Зачем тогда жить?

Лиза: А меня не спросили, когда рожали, а потом сказали, что самоубийство – это грех. Вот и нет выхода.

Олег: Люблю этот декаданс молодых, красивых, умных.

Лиза: Всё. Работаю. Спишемся.

ЧАТ НОМЕР ТРИ

Лиза: Ты что, идиот?

Олег: Что не так?

Лиза: Эта корзина не влезает даже в нашу переговорную. У тебя что, маленький член, раз ты большие букеты даришь?

Пауза.

Лиза: Чего молчишь-то, Олег?

Олег: Член идет.

Лиза: Куда идет?

Олег: Фотография идет.

Лиза: Дебил. Не смешно.

Пауза.

Лиза: Блять!!! Ты, конечно, вообще без мозгов. Не такой уж и большой, кстати.

Олег: Ракурс плохой.

Лиза: Надо было снизу фотографировать. Сорок шесть лет, а он члены девушкам шлет.

Олег: Это первый раз. У меня до сих пор руки дрожат.

Лиза: Надеюсь, я могу не отвечать зеркально???

Олег: Конечно, не отвечай!!! Прости, я... ну... идиот.

Лиза: Идиот. Согласна. Спасибо за презентацию. И тем не менее. Вот ты не подумал, КАК я этот букет домой попру. На метро? Машины у меня нет.

Олег: Не думал, что ты меня на машину так быстро начнешь разводить. Да, и я сука. Можешь не писать это.

Лиза: Сука и дебил.

Олег: Внизу стоит машина и водитель. Ждут. Позвони, вот его телефон. Он поднимется и поможет.

Лиза: Продуманный такой. Это ты на своих дверях столько заработал?

Олег: И на окнах. И на мебели.

Лиза: Король деревяшек. А мне подаришь дверь, или окно, или шкаф, хотя нет. Подари мне гроб, на будущее.

Олег: С окном или с дверью?

Лиза: Смешно. Даже очень. Я задумалась. Давай с окном. Если что, вылезу через него.

Олег: Тогда сделаю окно побольше, чтобы ты пролезла.

Лиза: Сука, сука, сука!!! Я хую!!! Я каждый день собираюсь не жрать!!! Ненавижу тебя!!!

Олег: Пришлю тебе завтра в офис Мак-обед.

ЧАТ НОМЕР ЧЕТЫРЕ

Лиза: Сегодня мама приходила. Половину цветов себе за-

брала. Папу теперь гнобит.

Олег: А папе твоему сколько?

Лиза: Ой. Да. Папа-то немного старше тебя.

Олег: Ты хоть пока не пугай их раньше времени.

Лиза: Я приврала, что тебе сорок.

Олег: А как потом мы будем это объяснять?

Лиза: А будет потом?

Олег: Ну, если будет.

Лиза: Если будет – объясним.

Олег: А у тебя были какие-то отношения долгие?

Лиза: Долгие в твоём понимании – это сколько?

Олег: Ну, пару лет хотя бы.

Лиза: Были, Олег.

Олег: Чем закончились?

Лиза: Ничем. Просто завяли. Самое обидное – расходиться без скандала, просто помогать друг другу вещи собирать, стараясь на трогательные общие фотки не смотреть. И, знаешь, когда на прощание обнимаются при мирном разводе, так тепло, с одной стороны, с другой – как будто внутри что-то раз – и умерло. Я больше не хочу мирно разводиться.

Олег: Обещаю, если что, войну! Как думаешь, а почему всё умирает?

Лиза: Я не знаю. Мне просто вдруг становилось неинтересно с человеком говорить.

Олег: А разве нельзя с человеком молчать?

Лиза: Ну, может, такой человек не попадался. Молчать же

о чем-то надо. Ты вон тоже, знаешь, разговорчивый.

Олег: Ну, я только с тобой – я вообще люблю помолчать.

Лиза: Откроем клуб молчунов? Ты о чем обычно молчишь?

Олег: Я люблю помолчать о всяких мелочах: например, круто помолчать о погоде, о том, где новогодние праздники проводишь, отлично молчитися о политике, да почти о всем можно прекрасно помолчать.

Лиза: Не поеду с тобой в Псков.

Олег: Зря! Там я разговорчивый.

Лиза: Чой-то?

Олег: Ну, там вокруг тишина, хочешь не хочешь – говорить начнешь.

ЧАТ НОМЕР ПЯТЬ

Лиза: Я не люблю врать. Скажу как есть. Я вдруг поняла, что я скучаю. И я хочу увидеться.

Олег: Классное слово «скучаю». Я тоже об этом подумал.

Лиза: Ну, ты так пишешь, как будто мы выросли вместе. А ты старше почти на двадцать лет. Блин, как так получается.

Олег: Ну, наверное, мне очень хочется затащить тебя в Псков. Давай увидимся. Ты когда можешь?

Лиза: Только в субботу.

Олег: Черт. ЧЕРТ. Я не могу...

Лиза: Почему?

Олег: Детский день, я с сыном его провожу.

Лиза: Не можешь перенести?

Олег: Не могу.

Лиза: То есть даже так? Я просто уеду в субботу вечером, может надолго.

Олег: Я его вижу раз в неделю.

Лиза: А меня ни разу!!! Может, вместе увидимся?

Олег: Нет, это не правильно, с ребенком – только если мы что-то решим. Он же живой. Вдруг ты ему понравишься, а я тебе нет.

Лиза: Нет, ты точно не мой ровесник. Слишком много рефлекслируешь. Не боишься, что я за эту неделю в кого-нибудь влюблюсь и перестану скучать?

Олег: Ну, буду надеяться на лучшее. Что остается.

Лиза: Вообще ты молодец. Круто. Не ожидала. Я попробую перенести билеты, увидимся в воскресенье.

Олег: Ты из-за меня перенесешь билеты.

Лиза: Я попробую.

ВСТРЕЧА

Лиза: Олег, это твой сын?

Олег: Лиз, ну... даже не знаю... ну это...

Лиза: Олег, это кто?

Олег: Это Дима.

Лиза: Ты что, гей?

Олег: Нет!!! Ты что, нет, конечно, хотя последнюю неделю мы с Димой, можно сказать, живем вместе. В общем, ну я

даже не знаю, с чего начать...

Лиза: Ненавижу тебя. Ты можешь собраться как мужик и все объяснить!!!

Олег: Это он с тобой переписывался.

Лиза: Сука. А он кто?

Олег: Он мой пиарщик. Я тогда начал тебе писать. Ну, а ты в ответ такое написала, что я понял, что не справлюсь, а ты мне очень понравилась... Я его попросил помочь... ну и...

Лиза: Так. А ты хоть видел, что он пишет?!

Олег: Конечно! Мысли вообще-то мои... ну... почти все. Ну, я это... я со всем согласен. Просто я не умею так складно... не получается.

Лиза: Мы ночью же переписывались!

Олег: Да, это не очень всем удобно было. Ну, у меня гостевая комната, хотя консьержка думает, что мы...

Лиза: Минуточку. А чей член?!

Олег: Нет, ну, конечно, мой...

Лиза: Почему-то это «конечно». Или вы сравнили и отправили лучший? Дим, у тебя как вообще с членом-то?

Дима: Не сравнивали мы ничего.

Лиза: Н-да. Не мог, кстати, пиарщика попросить сфотографировать нормально.

Олег: Это вообще была моя идея... я психанул. Не знаю почему... Дима был против.

Дима: Я до сих пор против.

Лиза: Хорошо. Зачем ты мне все это рассказал? Преду-

преждали же, что в сети одни кретины.

Олег: Ну... я подумал... как-то это все нечестно... Тебе же, по сути-то, Дима понравился... это же его слова. Да и, мне кажется, ты ему тоже. Да, Дим?

Дима: Лиза, ты очень интересная... так пишешь круто... Я очень хотел с тобой увидеться, если честно.

Олег: В общем, я решил вас познакомить. А я... это... ну, я пойду. Спасибо, Лиз, ты классная, ты мне очень понравилась. Я о такой, как ты, только мечтать могу, но... Даже как-то жаль. Ну, я... просто я сложных слов не знаю. Подучусь, как время будет. Обязательно! А вы общайтесь, буду рад, если у вас что-то получится.

Лиза: Олег. Это, конечно, сюрреализм. Дима, объясни ему потом, что это.

Олег: Это Дали, это я знаю.

Лиза: Ну, короче, ну, я тоже не то чтобы всю переписку сама вела. То есть. Ты когда написал, я с подружкой сидела, она у нас копирайтер в агентстве, ну, она мне пару идей дала: что, думаешь я про Тест, как его... Юнга?.. Дим?

Дима: Тьюринга.

Лиза: Во-во, про Тьюринга, думаешь, я знала? А ты так ответил заумно... точнее, Дима, получается. Ну вот она мне это... все это время и помогала. Так что, Дим, ты прости, но, в общем, я не совсем то, что ты думаешь. Я к Олегу ближе, хотела выебнуться – вот выебнулась. Олег, ты тоже прости. Знаешь, увидела: мужик симпатичный, нормальный такой,

ты когда на первые три вопроса затупил, я так обрадовалась, думаю, вот наш человек, ну, нормальный, без этого, а ты – хуяк – и начал умного включать, хорошо, Люся меня вытащила. Я, кстати, начала эту Сиддхартху читать.

Дима: Не эту, а этого.

Лиза: Ну да. Этого, круто, конечно. Ничего не поняла вообще, но затягивает.

Олег: Лиз, я так счастлив. Может, мы... ну это...ну пойдем погуляем, поболтаем по-нашему, по-простому... У меня как камень с души.

Лиза: Давай! Без умных слов, да?

Олег: Вообще без! Сейчас я в туалет схожу. Сейчас приду!

Дима: Лиз, а познакомишь меня с Люсей с этой, так пишет круто. Мы хоть на одном языке говорить будем. Как и вы с Олегом.

Лиза: Хорошо, вы и правда похожи, копирайтеры. Давай телефон, пришлю ее номер. Сейчас предупрежу, отойду ей позвонить, здесь берет плохо.

Лиза: Люсь, выручишь?

Люся: Чего?

Лиза: Помнишь, я тебе про мужика из интернета рассказывала?

Люся: Который гробы делает с окнами?

Лиза: Ну да, я тут с ним встретилась.

Люся: И-И-И-И?!

Лиза: Представляешь, ему тексты в нашу переписку его

пиарщик писал: он со словом не очень дружит и попросил помочь, но сам по себе мужик охуенный, настоящий такой, добрый, я, знаешь, даже поплыла, если честно. Я таких вообще не встречала, непонятно, из какого мира. И видно, что по жизни умный, просто читал, наверное, мало, но это поправимо. Он с собой этого пиарщика притащил, говорит, так не честно!!! Ты представляешь, ТАК НЕЧЕСТНО. Говорит, ты им увлеклась, а не мною – в общем, чудо природы. Я, его чтоб не расстраивать, сказала, что тоже не сама писала, что ты мне помогала, что я сама тоже не очень чтобы умная.

Люся: Ну ты даешь!

Лиза: Ну слушай, он так трогательно стеснялся, здоровый лось, видно, что состоявшийся, а потерялся как пацан, уходить собрался, я поняла, что любой ценой его нужно удержать, но пришлось приврать, он сразу расцвел, сейчас тренируюсь в упрощенной лингвистике, но этот пиарщик теперь требует твой телефон, я, чтобы легенду дожать, дам ему номер, а ты его слей аккуратнo.

Люся: А он как?

Лиза: Да никак, пишет так себе, а мысли явно не его. Павлин высокомерный. Смотри сама. Переписку я тебе скину. Ну, чтобы ты в теме была. Его Дима зовут. Ладно, я на свидание пошла.

Люся: Не умничай там!

Лиза: Я вообще молчать буду.

Александр Гутин

Труба

Сначала Саша Шнейдерман трубу ненавидел. Каждый день, в любую погоду, он брёл с футляром в руках в Дом культуры имени товарища Орджоникидзе, дудеть на трубе.

Слово «дудеть» Саша тоже не любил, но именно так называл процесс игры на трубе его дедушка Зиновий Абрамович.

– Ты, Саша, дуди. Ты, деточка, даже не представляешь, что такое труба! С трубой ты всегда заработаешь немножко на хлеб, немножко на масло, а если вдруг я помру, то и трэфную икру.

Потом Зиновий Абрамович делал паузу и продолжал:

– Я что-то не понимаю: этому маленькому шлемазлу не интересно, почему он заработает на икру, когда я умру!

– Мне интересно, дедушка. Только не умирай, пожалуйста, – отвечал Саша.

– Интересно ему! – фыркал дедушка. Но было видно, что он доволен беспокойством внука за его жизнь:

– Когда я умру, деточка, все деньги на моей сберкнижке достанутся тебе! И чтоб ты был мне здоров!

Саша кивал, ему очень хотелось узнать, сколько же денег у дедушки на сберкнижке, но он не спрашивал, боясь, что

дедушка может подумать, что Саша очень спешит с дедушкиной кончиной.

– Мой покойный брат Соломон, в честь которого тебя называли Сашей, тоже играл на трубе.

– Но, дедушка, почему в честь него? Он же Соломон, а я Саша...

– Потому! Прекрати мне трепать нервы! Не задавай глупых вопросов. В этой стране Сашам живется немножко лучше, чем Соломонам. Это я тебе говорю, как Зиновий. С отчеством мне повезло меньше, поэтому я так и не стал директором склада, а только заместителем. И не перебивай меня, я тебя умоляю! Так вот, мой брат Соломон играл на трубе. И ты спроси меня, как он жил? Нет, деточка, ты спроси меня, как он жил, я тебе говорю!

– Как он жил, дедушка?

– Хорошо! Он жил так хорошо, что я тебя умоляю как! Он играл на танцах в горсаду каждые выходные и имел тридцать рублей. А еще он играл на свадьбах, тоже по выходным. И, в конце концов, играл на похоронах, вне зависимости от дня недели! Он играл Шопена столько раз, сколько сам себя не играл сам Шопен! И у него был не дом, а полная чаша. Румынская стенка, а в ней хрусталь! Его сын Моня поступил в зубное и стал зубным. Его дочь Беллочка вышла замуж за сына секретаря парткома и стала Петровой. Это, конечно, не совсем то, чего бы хотел мой брат Соломон, но ради секретаря парткома можно было стать немножко Петровой.

– Как это стать немножко Петровой? – спрашивал Саша.

– Ой, вэй... Не важно. Всё! Иди дуди! Я читаю газету, не мешай. Хотя стой! Дуди, Саша, еще и для души! Для души дуди! Душа – это важно!

И Саша дудел.

Со временем он научился играть на трубе довольно неплохо, и пошел по стопам дедушкиного брата Соломона, в честь которого странным образом был назван Сашей.

По выходным он играл в горсаду на танцах, он играл на свадьбах тоже по выходным, и он играл на похоронах вне зависимости от дня недели.

Дедушка Зиновий Абрамович был очень доволен.

Когда Саша закончил школу, он поступил на первый курс музыкального училища, а потом пошел в армию.

В армии, в одной из частей где-то недалеко от древнего русского города Владимир, оркестра не было.

Дедушка писал письма Саше с неизменным вопросом, дудит ли он в трубу. Саша неизменно отвечал, что да, дудит, хотя и трубы-то тут никакой не было. Вместо трубы Саша ходил в караулы, охраняя какие-то никому не нужные склады, и долгими зимними ночами напевал про себя Шуберта, Чайковского и даже Шопена.

– Здравствуйте, товарищи бойцы! – хрипло сказал подполковник Петрушкин.

– Здравия желаем, товарищ полковник! – хором проорал

строй.

Петрушкину нравилось, когда его приветствовали званием полковника, о котором он давно мечтал.

– Мне тут это... – умиротворенно прохрипел Петрушкин. – Музыканты это... есть тут, это?..

Строй безмолвствовал.

– Что, это... нет музыкантов? – Насупился подполковник.

– Я! – раздалось из строя.

– Головка от...! – автоматически отозвался комбат, но спохватился. – То есть кто я? Выйти из строя!

– Рядовой Шнейдерман! – Саша сделал шаг вперед.

– Шнейдерман? Хм... И что, эти... как их... ноты знаешь?

– Так точно!

– Этого в мой уазик, прямо сейчас! – скомандовал Петрушкин начальнику штаба.

Так Саша стал репетитором дочки подполковника Петрушкина, Наташеньки, девочки шестнадцати лет. А других репетиторов в военном городке не было.

Ученица Наташенька была не очень. Вернее, вообще все было плохо. Музыкальный слух у нее напрочь отсутствовал, зато присутствовало милое личико и высокая грудь.

– Ну, как там... это? – Заглядывал подполковник в комнату. – Учишь?

– Так точно, учу, – говорил Саша и тыкал пальцем в нотный стан, пытаясь втолковать командирской дочке, чем отличается написание ноты «ре» от ноты «до». Наташенька хи-

хикала и кокетливо крутила на пальчик локон.

– Ну учи, учи, – отвечал подполковник и закрывал дверь. А зря.

Одним словом, произошло то, что и должно было произойти.

– Ну, ты, это... и это... такой бесстрашный, что ли, Шнейдерман?! – сказал подполковник стоящему перед ним Саше, которому было на самом деле очень страшно. – Ты, это, как это так, сука? Бессмертный, что ли?! Тебе что сказали? Ноты учить! Ноты! А ты чего, а?! А?! Скажи спасибо дочке моей... я бы тебя, сволочь, сгноил бы! Но любит она тебя! Плачет, так ее растак! Говорит, с крыши спрыгнет! У, гнида!

До дембеля оставался месяц.

После демобилизации сыграли свадьбу. Наташенька была красива и свежа, а Саша сыграл для нее и гостей что-то из Гайдна. Все аплодировали, даже тесть.

А потом все пошло кувырком. Распался Советский Союз, а подполковник Петрушкин, так и не став полковником, стал торговать ставшим не нужным государству военным имуществом, потом занялся лесом, бензином, еще чем-то, и в конце концов, накопив на обеспеченную старость нескольких поколений после себя, передал дела зятю Саше.

Дедушка Зиновий Абрамович умер.

А Саша Шнейдерман частенько отпускает водителя, садится за руль большого черного автомобиля и едет на дачу. Там, в полном одиночестве, он достает из шкафа старый фу-

тляр и дудит в трубу, как и учил его когда-то дедушка.

Он дудит не для того, чтобы у него были хлеб, масло и даже трэфная икра, – это у него давно есть. Он дудит для души. Но никак не может понять, где она у него находится...

Машенька

С тех пор как Маша уехала из Карачева, ее никто никогда не называл Машенькой. Она иногда думала об этом. Наверное, потому она и уехала, потому что мама умерла, а для всех остальных она была просто Машей.

В Брянске было все не так. Говорят, что есть города и побольше, и покрасивей, но после окраины маленького райцентра этот город с многоэтажными серыми домами, длинной лестницей от центрального проспекта до набережной Десны, с совершенно непохожими на Машу людьми и даже с настоящими троллейбусами, ошеломил ее.

Маша работала в кафе «Ласточка». Каждое утро она ехала на дребезжащем трамвае из Бежицы до центральной площади, на которой стоял монументальный задумчивый Ленин, а прямо за вождем и находилось это кафе, где можно было быстро и дешево чего-нибудь перекусить.

– С вас девяносто три копейки. – Отбивала чек Маша на кассовом аппарате, принимала рубль и отсчитывала семь копеек сдачи.

Так проходил целый день, месяц, год...

Вот как раз через год Маша познакомилась с Павлом. Знакомство произошло в троллейбусе. Павел случайно наступил Маше на ногу, та ойкнула и автоматически схватилась за пальто Павла, чтобы не упасть.

Павел односложно извинился и покраснел. Маша, смутившись, тоже запылала.

Вышли на одной остановке, молча шли рядом до Машиного дома, постояли возле подъезда. Павел односложно сказал:

– До завтра.

И ушел.

Когда утром следующего дня Маша вышла из дома, направляясь на работу, Павел ее ждал возле детских качелей.

Так они начали встречаться, а через месяц Павел также односложно, как и всегда, предложил:

– Выходи за меня...

И покраснел.

Маша зарделась и согласилась.

Так они стали мужем и женой.

Павел не называл ее Машенькой. Впрочем, и Машей он ее тоже не называл. Он ее вообще никак не называл.

– Здравствуй, – говорил он, входя в дом, возвращаясь с вагонного завода, где работал слесарем.

– Здравствуй, – отвечала Маша. – Есть будешь?

Тот кивал и садился есть.

Через год совместной жизни у Маши произошел выкидыш, а Павел запил. Эти два события никак не взаимосвязаны – просто совпадение. Павел пил, Маша переживала.

Пьяный Павел был еще более молчалив. Ложась в супружескую постель, он сгребал Машу в охапку, становясь гру-

боватым и жестким, а супружеский долг исполнял так, будто мстил кому-то или пытался что-то доказать. Знать бы только, что и кому.

Пару раз Маша плакала. Она сидела на темной кухне, в окне качался желтый уличный фонарь, вокруг которого словно мухи кружили снежинки, на стене висел чулок, набитый луком, на подоконнике в плошке росла герань, а Маша беззвучно плакала, сама не понимая отчего.

Причин вроде не было. У других и мужа-то нет. А у нее есть. Ну, выпивает, а у кого мужик не пьет? Не бьет же.

Но все равно что-то было не так. Маша не знала что даже приблизительно. Просто какой-то тоненький и противный голос шептал ей, что все должно быть не так.

– А как? Как должно быть? – шептала Маша в пустоту.

Но ответа не было.

Был обычный мартовский день; в обеденный перерыв в кафе всегда много народа, так что уборщица баба Надя не успевала протереть грязь от обуви посетителей, следы которых тянулись от входной двери к прилавку и кассе, а дальше к столикам.

– С вас восемьдесят девять копеек, – сказала Маша, отбивая чек.

На нее смотрел невысокий мужчина, лет сорока, с рано пробившимися залысинами и грустными блестящими глазами, которыми он восторженно смотрел на Машу...

– С вас восемьдесят девять копеек, – повторила Маша и смущенно отвела глаза.

– Да-да, конечно, – очнулся мужчина, суетливо полез в карман, вынув мятую трешку: – Вот... пожалуйста... простите...

Маша взяла и, отсчитав сдачу, протянула мужчине.

– Простите. – Тот взволнованно поправил очки. – Я очень извиняюсь... дело в том, что я художник. Ах да... Я не представился, меня зовут Давид, художник, я рисую, а у вас такой образ... Я бы хотел нарисовать вас... если вы не против, конечно...

– Меня? – удивилась Маша. – Зачем же меня?..

– Слышь, художник, давай быстрее, ты тут не один, – сказал стоящий в очереди в кассу крупный мужчина в телогрейке: – После работы рисуй, а тут люди жрать хотят!

– Извините, – смутился художник, взял поднос с едой и ушел к столикам.

Наступил вечер, Маша вышла из закрывшегося кафе и не спеша направилась к остановке, думая о странном художнике, который разглядел в ней какой-то образ...

– Девушка, подождите! – услышала она и обернулась.

Перед ней стоял Давид:

– Неудобно вышло в кафе, прошу принять искренние извинения, вы на работе, а тут я... Но я решил дождаться вас. Я уже говорил, что художник, меня зовут Давид... А вас как зовут?

– Маша...

– Очень приятно, Машенька... Так вот... я бы хотел вас нарисовать.

Маша вздрогнула. Он назвал ее Машенькой. А она уже и забыла, что из ее обычного сермяжного имени можно создать что-то ласковое и нежное... Машенька. Именно так он ее назвал.

На следующий день наступил выходной. Утром Маша встала, надела красивое платье, впервые за долгое время на-
красилась. Глядя на смотрящего с любопытством Павла, она улыбнулась:

– У начальницы юбилей. Сегодня отмечаем.

Павел пожал плечами и отвернулся.

– Вот так, Машенька, вот так... еще поверните головку вправо, вот так, да. – Давид, едва касаясь, немного развернул ее плечи.

Машенька...

Знакомое чувство нахлынуло, захлестнув с головой. От каждого прикосновения Давида словно било током, словно переворачивало с ног на голову. Но что-то было не так. Так не должно было быть.

– А как? Как должно быть? – про себя спросила Маша.

Ответа не последовало.

А дальше всё было так, как в романе, который когда-то

читала Маша. Давным-давно читала, еще в Карачеве. В комнате все так наэлектризовалось, что пошли молнии, и прикосновения Давида стали более настойчивыми, лицо ближе, и Маша закрыла глаза...

– Машенька...

Она почувствовала тепло губ у себя на шее, все поплыло...

– А как? Как должно быть? – спрашивала Маша саму себя...

– Не так. – Вдруг отчетливо услышала она ответ и раскрыла глаза.

– Знаете, Давид, – решительно отстранилась она от него. – Не надо меня рисовать!

– Но как же... Машенька... Почему? Почему не надо?! У вас такой образ...

– И Машенькой меня не зовите! Не надо...

Она резко встала, схватила пальто, сумку и выбежала прочь.

Дома было тихо. Павел спал на диване. Рядом валялась пустая бутылка из-под пива. Громко тикали часы.

Маша зашла на кухню и закрыла за собой дверь. В окне зажегся желтый фонарь. В плошке на подоконнике отцвела красная герань. Холодильник вздохнул и перестал урчать. Было очень тихо.

– Так как должно быть-то, а? – прошептала Маша фона-

рю. – Как должно быть?

Фонарь только качнулся в ответ и промолчал...

Жука Жукова

Нейронная сеть

Мы вместе кино смотрели, а на экране в кадре город симпатичный ненашенский такой. Я говорю:

– Интересно, а где это снимали.

А он мне:

– Это Таллин.

– Откуда знаешь?

– Номера у машин таллинские.

Мы дальше кино смотрим – и тут у меня догадка:

– А когда мы по дороге едем и ты орешь: «Эй, Челябин, поворотник включи, долбоклюй Уральских гор». Это ты не просто так орешь?

– Нет. Это значит номера у него 74 или 174.

– А у Тывы знаешь?

– 17.

– Пермский край?

– 59, 181, 159.

– То есть ты все номера всех регионов знаешь?

– Ну да.

– Ты их зубрил?

– Да как-то сами по себе запомнились...

Он не знает, в каком ребенок классе. Я ему год уже говорю: «В седьмом», он кивает и тут же забывает.

Со списком в магазин посылаю, там уже не просто список, там схема: киноа – 2 пачки, рядом с молочным отделом, три отдела левее винно-водочного.

И он не находит! Или забывает. Или не знаю, что происходит. Я бы просто вскрыла ему черепуху и посмотрела, что там внутри.

Список, наверное, автомобильных кодов регионов России. И пара грязных мыслишек. И много воздуха. «Само по себе запомнилось...»

А он орет: «Мне вскрыть черепушку? Мне? Вот ты скажи, как ты из списка трех тысяч семисот шести друзей идентифицировала мою бывшую только на основании того, что у нее ИП.

Приперлась в ее магазин женского белья и с криками: «Можем себе позволить» и «ОН просил не жаться», купила у нее трусы в дырку за тридцать штук... Как, скажи мне, как ты ее вычислила?»

Господи, а это тут при чем? Это-то элементарно!

ОХОТНИК

Так смешно было вчера. Идем по улице с Маринкой и ее мужем. Она мне рассказывает, как романтично они на Бали съездили и как муж ей там что-то подарил, а потом что-то принес, в общем, что-то радостное было ужасно.

И вот мы идем по улице, а я краем глаза вижу, что сбоку у магазина Галька стоит попой кверху, сумка на земле, а она нагнулась и в ней копается. Видно только ноги и попу – ну, ракурс такой.

И Маринка ее видит, но мы мимо проходим, делаем вид, что не заметили, беседой увлечены. Потому что мы с Галей уже полгода не общаемся.

А еще я отчетливо понимаю, что муж Маринкин тоже заметил и узнал Гальку. И, самое главное, я вижу, сообщить нам об этом хочет. Мы же мимо прошли, не заметили, а он увидел! Засёк! Радостный такой!

А я-то знаю, что это не самый лучший вариант развития сюжета, ведь мы с Галей уже полгода не общаемся, а теперь, видимо, и совсем не будем!

Но поздно! Если бы я даже на него в этот момент с сеткой рыболовной накинулась, повалила на землю и двумя руками сонную артерию пережала, он бы все равно успел восторженно крикнуть жене! Он охотник, он узрел дичь и жаждет сообщить об этом хозяину:

– Смотри, Марин, там Галя...

Маринка хмуро смотрит на него:

– Я-то вижу, что там Галька. А вот как ты это определил, милый, по ее заднице?

– Ну я э-э-это, я вообще не по заднице, я потом, когда мы прошли, я обернулся и увидел, что там у нее лицо... э-э-э-это спереди.

– Ай, не ври, никуда ты не оборачивался, ты прям четко по жопе идентифицировал...

– Неправда, я обернулся... потом... Скажи, а?

И он смотрит на меня.

Капец, лучше молчи, лучше иди и просто молчи, не закапывай себя.

– Ну ясно, а вот скажи, часто это ты оборачиваешься на баб, которые кверху жопами стоят? Все время или у тебя избирательная система какая?

– Да я никогда, просто там... ну... бэ-э-э...

– Я вчера на остановке стояла, семафора, прыгала, руками махала, на дорогу выбежала и под колеса тебе кинулась, а ты все равно не заметил, мимо проехал. А может, мне надо было просто кверху жопой встать? Или лучше Гальку позвать?

И вот такая метаморфоза: муж из охотника превращается сперва в барана и что-то блеет, а потом в рыбу и молча ловит воздух ртом, а потом...

А потом я ушла. У меня другие дела еще были.

Бонжур, гламур

В самом гламурном ресторане Москвы были, где еда не очень, но заведение модное, поэтому все причмокивают.

У меня брюки с высокой талией и короткий пиджак – так, чтобы стильно и не было заметно, что старалась-одевалась-весь шкаф перемерила.

Как будто первое попавшееся надела: «не заморачиваюсь со шмотками, девочки, иначе где взять время о душе подумать».

Приходим большой компанией, нас встречают и к столику ведут.

Стол большой, можно сидеть лицом к стене, а можно лицом к залу и огромному окну, из которого чудесный вид на Москву открывается.

Я, естественно, лицом в зал сажусь, не могу лишать прекрасного других посетителей.

Заказываем напитки, обсуждаем просекко на аперитив и тут я вижу, что за соседний столик хрена какого-то приводят.

Кривой, с красной рожей, нечесаный – вообще не нашего круга.

И видно, что больной чуток: то башка у него дергается, то рот съезжает в сторону вдруг от нервного тика, а глаз примаргивает.

И геморрой на лицо, потому что он ерзает все время на

стуле и перекачивается, то на одном бочке попы посидит-покрехтит, на другой перевалится.

И все это передо мной. Я в какую сторону ни посмотрю, глаз все равно на него магнитом возвращается.

Просто вот бы вперилась и смотрела как гадкий фильм какой-то, когда мухи изо рта у героя ползут вереницей, тебя тошнит, а ты оторваться не можешь, вот уже блеванешь сейчас, но мерзость завораживает.

И мысли всегда одни – кто его впустил, вот этого? Стараешься, одеваешься, столик бронируешь, за бокал шампанского полтора косаря отваливаешь, чтобы тебе вот это под носом сидело, кряхтело и ерзало?

И еще мысль: почему именно мне всегда так везет? Вот просто всегда!

То бабуся какую-то перед носом посадят, которая челюсть изо рта достает и в чашке с чаем полощет, то мужика, который супом хлюпает на весь ресторан. Один раз тетку посадили, у нее на затылке рана была огромная, в ране кровь запекшаяся и лысина по краям, – вдохновила меня эта тетька на диету строгую.

Просто все настроение испортил мужик.

Те, которые напротив меня сидят, довольные, ну разумеется! Меню изучают, спорят, кто что есть будет.

А я в меню посмотрю, потом на мужика взгляд сам скашивается – а он, красавчик, сейчас в носу ковыряет и палец

рассматривает. «Удачная ли козявка?» – волнуясь прямо.

А нет, палку свою берет и к выходу ковыляет! Ура!

– Девушка, я буду карпаччо, вот этот салат, как вы думаете, мне стейк или мурманскую треску?

И наконец понеслась туса.

– Девчонки, а у стены там разве не этот актер... ну как его... в том фильме еще играл! Ну он, я вам точно говорю.

Нам закуски приносят, я только пуговицу на штанах расстегнула и ширинку вниз, чтобы место освободить, приготовилась вкушать – опять притаскивается.

Снова садится.

Курить, наверное, выходил, зараза. Интересно, а как он курит? У него же рот съезжает все время, но не через равный промежуток времени, а в произвольном порядке, я засекала.

Интересно, он в щеку сигой тыкает? Или приноровился как-то прицеливаться?

«Ой, в зубе ковыряется, молодец какой, а ты по локоть в рот залезь, тебе же удобнее будет. Или двумя руками. А нет, во! Придумала – вилку возьми, зубцом подковырнишь. Мою бери!

Да не стесняйся, мне все равно не понадобится.

Я есть не буду, я лучше вина накачу, после вина у меня всегда свой особый взгляд на мужчин появляется».

За столом разговор, еду обсуждают, продюсера известно-

го: он в соседнем зале сидит с очередной девицей-так-себе, мне говорят, иди посмотри, улыбнись ему, то-сё: может, в туалете его подловишь, запитчишь чего.

И все хохочут. А мне не до смеха: мой-то прыщ на щеке нащупал и теперь его теребит, выдавить пытается.

Думаю, ладно, прогуляюсь до туалета, может быть, кто-то из-за нашего стола выйдет, а я быстро приду и на его место сяду – спиной к мужику.

«Ага, салфеточкой промокну ранку, продезинфицируй, а то заразу подцепишь».

И вот я встаю, чуть покачиваюсь, но держусь, я много могу выпить.

Иду через наш зал – спина прямая, светская полуулыбка на лице, – через соседний зал, а вот он, мой продюсер известный, смотрит на меня, я слегка киваю, но прохожу мимо, женщина-загадка, оставив легкий шлейф своих «Барейдо», немного замедляюсь, поворачиваю голову и снова смотрю на него, а он на меня, откидываю волосы с плеча.

Красивая проходка, по взглядам вижу.

Жаль, залы кончились, а мне направо.

На стене огромное зеркало в золоченой раме, в нем я, пиджак короткий и брюки съехавшие... с расстегнутой шириной... под ними трусы не слишком кружевные... я раздеваться-то прилюдно не очень собиралась.

И вот шла я через зал, качала бедрами, штаны сползали, исподнее наружу, и мысли у всех одни: «Ну кто ее впустил?»

Приличное же место».

Так захотелось к припадочному своему прильнуть.

«Пойдем, мужик, отсюда. Чужие им мы с тобой!»

Мотивация

Катя жаба та еще, но ищет себя. Теперь прочитала книжку какой-то мотиваторши Петрякиной и целый месяц нам ее цитировала, «что-то там позитивное впустить внутрь, а что-то, напротив, негативное испустить...».

И вот вдруг в последней главе мотиваторша предлагает почистить свой гардероб. Так и пишет – раздайте все! Не жалейте!

Ну просто расцеловала бы Петрякину: вот прямо завтра пойду куплю ее книгу, за добро добром отплачу.

И вот Катя Жаба собрала меня и Лариску для опустошения шкафа. Говорит, вам как моим подругам первого сорта предоставляется право первой ночи. И распахивает гардероб...

А там... как висячие сады Семирамиды, только Баленсиага и Макс Мара. И началась раздача.

«Вот это один раз надевала, как-то больше некуда было... Э-э-эх, ладно. Меряйте, девочки. Тебе, наверное, подойдет, у тебя ноги красивые. Хотя и у меня, скажи, еще ничего? Фитнес два раза в неделю, плюс массажики... Ладно, это еще пока оставлю, пусть повисит, как говорится, жрать не просит, ха-ха-ха.... – «О! Юбка, помните, я в ней на свадьбе у Киры гуляла. На меня еще тогда ее муж та-а-акими глазами смотрел. Помнишь? Ну, я тебе рассказывала. Нет, ее не

отдам пока – уж больно вери секси, хоть и вышла из моды. Но мода циклична, вы заметили? Семь лет цикл, я недавно в «Космо» читала». – «Та-а-а-ак, что тут еще. Это нет, это нет... Вот! Лариска, это бомба. Бери! Я теперь новый человек, мне ничего не жалко, за двести двадцать евро в Милане покупала».

Лариска втискивается в платье. Проводит ладонями по груди, по талии. «Ну как?»

Идеально!

Но по глазам видно, как старое негативное херачит по башке новое позитивное в голове у Кати. Она критически оглядывает Лариску. «Слушай, а может, еще и поношу. Пять килограммчиков сейчас скину и втиснусь. Как думаешь, Ларис, скину? Ну и я уверена, что скину. Снимай тогда, повешу пока. На кефирную решила сесть, в „Космо“ прочитала...»

В итоге маечка. «А пятнышко замоешь дома, я тебе секретики расскажу, ты не согласишься, просто капни „Фейри“ буквально капельку... и спасибо за шампанское, девчонки, классно посидели, просто психотерапия сплошная, а не вечер, да?»

Бляха муха, Петрякина, пиши второй том.

Весна

Сегодня я на Садовом стояла на светофоре. Там такой длинный красный, 280 секунд. Со мной много людей стояло. А машины ехали. И сильно пахло пылью, бензином и сиренью. И еще чуть-чуть дождем.

И все вокруг такое зеленое, весеннее, что бежать хочется, а стоять совсем не хочется. Ты стоишь, а жизнь проходит. Целых 280 секунд, 279, 278... твоей жизни. А еще нужно успеть любить: весна, она короткая, можно не успеть любить.

Пешеходы считают секунды, готовятся бежать дальше навстречу. Чему-то очень хорошему.

Но так медленно 234... 233...

И машины пыхтят по Садовке: как улитки – плотно.

И тут два бомжа подходят. Мужик чубатый такой, вонючий до смерти, борода колтунами, грязная куртка синтепоном наружу, зубов совсем мало, а рядом с ним дама сердца. Красная, всклокоченная, на костыль опирается, одна нога в огромном кроссовке, другая в гипсе, а сверху пакет из «Дикси» бечевкой примотан. Бухие оба, уже с утра, веселые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.